

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш100.621+Ш143.21-51+Ш143.21-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Рушана Рауфовна Хазиева

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, rushanakhazieva@mail.ru, SPIN-код: 5167-7141

Дискурсивно-прагматические характеристики категории эвиденциальности в политическом медиадискурсе (на материале англоязычных конфликтогенных текстов)

АННОТАЦИЯ. Исследование направлено на изучение лингвокультурных особенностей дискурсивно-прагматических характеристик маркеров эвиденциальности в политическом медиадискурсе. Лингвистические средства выражения данной категории в условиях информационного противостояния как результат субъективизации становятся концептуальной основой для лингвополитического моделирования действительности. Результаты анализа отобранных медиасообщений построены на систематизации средств языковой репрезентации категории эвиденциальности, распределенных по степени предположения от допустимости возможного до разных степеней вероятности события. Исследование проведено на материале англоязычных медиатекстов конфликтогенной направленности. Такие характеристики, как субъективность передачи информации и выражение дискурсивных смыслов модальности эвиденциальности с точки зрения речевых аспектов, связаны со спецификой указания на источник сообщаемых сведений, который может обозначать эксплицитный / имплицитный, прямой / косвенный, личный / опосредованный доступ к информации. Языковая экспликация эвиденциальности и эпистемической модальности в англоязычных медиатекстах оформлена по-разному и выражается в тексте в основном лексико-синтаксическими средствами. В результате исследования установлено, что в политическом медиадискурсе речевые приемы, опосредованные эвиденциальными маркерами, направлены на создание провокационных установок, а имеющиеся авторские смыслы, интенции и установки — на оказание манипулятивного воздействия и изменение картины мира адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, англоязычные СМИ, английский язык, категория эвиденциальности, эвиденциальные высказывания, конфликтогенный дискурс, конфликтогенные тексты, политические конфликты, недостоверная информация, ложная информация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хазиева Рушана Рауфовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; email: rushanakhazieva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хазиева, Р. Р. Дискурсивно-прагматические характеристики категории эвиденциальности в политическом медиадискурсе (на материале англоязычных конфликтогенных текстов) / Р. Р. Хазиева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 198-205.

Rushana R. Khazieva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, rushanakhazieva@mail.ru, SPIN code: 5167-7141

Discursive-Pragmatic Characteristics of the Category of Evidentiality in Political Media Discourse (On the Material of English Conflictogenic Texts)

ABSTRACT. The research is aimed at studying the linguocultural specificity of discursive and pragmatic characteristics of evidentiality markers in political media discourse. The linguistic means of expressing this category in the situation of information confrontation as a result of subjectivization have become a conceptual basis for linguopolitical modeling of reality. The results of the analysis of the sample media messages are based on the systematization of the means of linguistic representation of the category of evidentiality distributed according to the degrees of assumption from admissibility of the possible to various degrees of probability of event. The study has been conducted on the material of English mass media texts of conflictogenic orientation. Such characteristics as the subjectivity of passing information and the expression of the discursive meanings of the modality of evidentiality from the point of view of speech aspects are associated with the specificity of indicating the source of information, which can denote explicit / implicit, direct / indirect, personal / mediated access to information. The linguistic explication of evidentiality and epistemic modality in English media texts is expressed in the text mainly by lexico-syntactic means. As a result of the study, it was found that in the political media discourse, the speech techniques containing evidentiality markers are aimed at creating provocative meanings. The author's meanings, intentions, and aims are targeted at providing manipulative influence and changing the worldview of the addressee.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, mass media language, language means, English-language media, English language, category of evidentiality, evidential utterances, conflictogenic discourse, conflictogenic texts, political conflicts, unreliable information, false information.

AUTHOR'S INFORMATION: Khazieva Rushana Raufovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of International and Integration Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

FOR CITATION: *Khazieva R. R. (2024). Discursive-Pragmatic Characteristics of the Category of Evidentiality in Political Media Discourse (On the Material of English Conflictogenic Texts). In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 198-205. (In Russ.).*

Политические и социально-экономические события, происходящие с начала XXI века, вызывают кризисные состояния общества, и эти процессы все очевиднее набирают темп. В условиях обострения конфликтов в политической сфере медиакоммуникация сама становится пространством конфликта, выдвигая на первый план проблему отношений между властью, языком (дискурсом) и обществом. Исследования о политических конфликтах последних лет подтверждают факт усложнения природы конфликта и многоуровневого взаимодействия медиа с ним [Иванова 2016; Руженцева 2022; Чанышева 2020; Чудинов 2007]. Авторы медиатекстов конструируют образ конфликта, мастерски воздействуют на массовое сознание путем отбора, оценки и представления определенных событий в выгодном свете.

Можно утверждать, что мировые кризисы обусловили появление особого типа политического языка — конфликтного политического медиадискурса. Данному дискурсу характерно идеологическое противостояние политических субъектов, которые имеют противоположные интересы, у них противопоставлены ценности, мировоззренческие взгляды и представления, в условиях дефицита правдивой информации преобладает эмоциональная оценка ситуации над рациональной [Чанышева 2021: 207]. Целью авторов таких текстов является обострение противостояния и углубление конфликтных ситуаций в межгосударственных отношениях, поэтому они осуществляют вбросы непроверенной или сфабрикованной информации, насыщая смысловое поле разными видами агрессивной ложной информации [Хазиева 2018: 6].

В фокусе внимания предлагаемой статьи находится описание особенностей употребления лексических средств категории «эвиденциальность» в ходе передачи непроверенной, неподтвержденной информации на разных уровнях содержания политического конфликтного медиадискурса. Для достижения поставленной цели был применен метод дискурс- и контент-анализа и метод количественного подсчета. Материалом исследования послужили англоязычные статьи из британских и американских электронных изданий, собранные в период с 2014 по 2024 г. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к изучению политического медиадискурса в тесной связи с языковым манипулированием, а также недостаточной изученностью категории эвиденциальности в

данном ракурсе и значимостью интерпретации содержания и исследования оценочных эвиденциальных смыслов, порождаемых автором в ходе конструирования политического конфликтного медиадискурса.

Категорию эвиденциальности исследователи определяют в терминах «источников информации» как функционально-концептуальную область, указывающую на когнитивное и коммуникативное обоснование суждения автором [Boye and Harder 2009: 12]. Данное знание маркируется специальными лексическими, морфологическими или синтаксическими средствами. Исследование эвиденциальности как модусной категории позволяет говорить о том, что говорящий не только обозначает свой источник знаний (информации), но и показывает, как он оценивает эти знания с точки зрения достоверности, то есть предполагает отражение отношения говорящего к содержанию сообщения. С этой точки зрения маркеры модусной категории «эвиденциальность» способны отражать интерпретацию и коммуникативную оценку достоверности и надежности сведений, превращая эвиденциальность в действенный инструмент управления восприятием сведений [Козловский 2024: 1676]. Эвиденциальность как категория коммуникативного плана раскрывает коммуникативные цели говорящего с учетом его прагматических функций.

В зависимости от доступа к сообщаемой информации Уиллетт разделил эвиденциальность на прямую (говорящий уверен в собственных знаниях, как будто он находился на месте события, присутствует чувственное восприятие факта) и косвенную (информация получена от других лиц, автор самостоятельно пришел к логическому умозаключению) [Уиллетт 1988: 57]. Разделение эвиденциальности на типы позволило Плунонгану классифицировать косвенную эвиденциальность по двум типам: непосредственный и опосредованный типы [Плунонган 2001: 352]. Однородное микрополе прямой эвиденциальности не делится на подтипы. Микрополе косвенной эвиденциальности делится на:

- инференциальность — информация получена из источников, основанных на предполагаемых личных знаниях или убеждениях;
- презумптивность — информация из общего фонда знаний, в ее основе — предположение или логическое рассуждение;
- пересказывательность — свидетельство, основанное на слухах без ссылки на источник информации, Айхенвальд предлагает

использовать термин «стратегии эвиденциальности», чтобы охватить диапазон значений, характерных для сообщений не «из первых рук», которые сочетают в себе ссылку на умозаключение и вербальное сообщение [Айхенвальд 2003: 18]. В данном случае ярко проявляется шифтерная природа маркеров эвиденциальности, оформленных в виде цитаций, ссылок, косвенной речи: «говорящий может цитировать информанта, чтобы этим подчеркнуть достоверность передаваемой информации или, наоборот, чтобы снять с себя ответственность за то, что он говорит» [Джуссти-Фичи 1994: 11]. Маркеры эвиденциальности приостанавливают проверку высказывания на предмет истинности / ложности (*they suspend truth conditions*), заставляя исследователя обращаться к понятию «возможных миров», в которых данное высказывание может быть истинным или ложным [Хазиева, Рязипова 2023: 160].

В ходе проведенного анализа (выборка составила 550 конфликтогенных медиатекстов) эвиденциальные ссылки на источник информации были классифицированы по четырем основным типам номинации по степени достоверности. Первым делом проанализируем приемы, характерные для медиатекстов, квалифицируемых как средства прямой лексической номинации. Информация «из первых рук» исходит от субъекта сообщения либо субъекта в роли эксперта, осведомленного о чем-то наверняка.

1. Знания о ситуации основываются на логических соображениях общего характера: гипотеза строится на личном знании говорящего (2,5 % от всей выборки).

В эвиденциальном высказывании подлежащее выражено местоимением первого лица единственного или множественного числа, сказуемое представлено эпистемическими глаголами (*see, know, believe, think, guess, trust, consider* и т. п.): *I don't see a reason to conclude Hamas could become irrelevant. The question is: How does Hamas change after this? And I think there is a very strong argument to be made that the leadership becomes more hard-line* [Ryan] — пер.: «Я не вижу причин делать вывод, что ХАМАС может стать неактуальным. Вопрос в том: как ХАМАС изменится после этого? И я думаю, что есть очень веские аргументы в пользу того, что руководство станет более жестким» (Здесь и далее перевод наш. — Р. Р.).

В представленном примере речь идет о военном конфликте Израиля и Палестины и убийстве политического лидера ХАМАС Исмаила Хании. Эпистемические глаголы *to see (to understand something), to think (a. to*

judge or regard; look upon; b. To believe; suppose) употребляются для передачи значения мнения с оттенком предположения, выражающим определенную степень уверенности или убежденности. В данном случае выражение субъективной позиции, сделанное автором с помощью этих эвиденциальных маркеров, направлено на поддержание и повышение градуса эскалации противостояния: «*I think the abortion issue has been very much tempered down,*» he said. «*I answered, I think, very well in the debate, and it seems to be much less of an issue*» [Scherer] — пер.: «Я думаю, что проблема абортов была значительно смягчена, — сказал он. — Я думаю, я очень хорошо ответил на дебатах, и, похоже, это уже не такая большая проблема».

В данном примере речь идет о поддержке Трампом отмены закона о запрете аборта женщинам после шести месяцев беременности. Субъектная перспектива выражена с помощью ментального предиката *to think*. В процессе общения политик стремится сократить коммуникативную дистанцию с электоратом, создавая эффект некатегоричности высказывания. Это свойство конструкции используется автором текстов в целях снижения ответственности за передаваемое сообщение. В этом случае категория эвиденциальности в семантическом аспекте сближается со стратегией хеджирования. Термин, введенный в лингвистику Дж. Лакоффом, подразумевает оперирование такими словами, которые призваны «представить вещи более или менее неясными» [Лакофф 1972: 471]. Лексические средства хеджирования снижают точность и категоричность высказывания, создают иллюзию объективности и служат снятию с себя субъектом коммуникации ответственности за озвученные сведения, что особенно актуально в политическом дискурсе. Предположение, возможность, неуверенность, аппроксимативность, редуцирование интенсивности проявления признака и значения и т. п. выражаются как раз хедж-маркерами [Осипов 2013: 47].

2. В передаваемой информации есть источник заявлений, слов, идей. Роль источника, как правило, принадлежит либо одному из главных участников события, либо определенному идентифицируемому политическому деятелю (24 % от всей выборки). Ссылка на внешний источник информации используется автором текста для разных целей: в стремлении к фактуальности и беспристрастности подачи материала автор может использовать цитирование или ссылку на источник как маркер истинности сооб-

щения, с другой стороны, такой прием может быть эффективной попыткой избежать ответственности за изложенный текст: *Is the prisoner exchange with Russian President Vladimir Putin a pact with the devil in the name of humanity? That is what one leading German commentator is calling it* [Heilbrunn] — пер.: «Является ли обмен пленными с президентом России Владимиром Путиным сделкой с дьяволом во имя человечества? Так это называет один из ведущих немецких комментаторов».

При помощи эвиденциального маркера *one leading German commentator is calling it* автор встраивает в полотно текста религиозный мотив на тему сделки с нечистой силой, реализуя мифопоэтическую оппозицию «свет — тьма», этому способствует нанизывание «бесовских» символов и их развертывание в пространстве: *But now the Devil is demanding his due; This is more or less the equivalent of sacrificing innocents at the altar of the gods to ensure the leaders' rule will continue to be successful*. В тексте статьи ярко акцентируется бинарная аксиологическая оппозиция «свои — чужие». Автор описывает российских пленных как борцов за свободу, незаконно пострадавших от «репрессивного режима»: *Kara-Murza, a British as well as Russian citizen, is among the most idealistic people I've ever met who had to face bogus charges. He could easily have lived out the rest of his life in the West — but insisted on returning to Moscow to pursue peaceful political change despite the obvious dangers. He is a true Russian patriot, committed to the hope that his fellow citizens will one day find freedom*.

С другой стороны, западные пленные описаны как закоренелые преступники и убийцы: *the Russians have been caught committing acts of sabotage across Europe; Moscow is bringing home are a motley crew of spies and criminals arrested in the United States; This man is a coldblooded killer; there is nothing remotely noble about him*.

There can be no doubt that, as Christian Caryl has observed in the Washington Post, Putin will seize upon the exchange to establish a kind of moral equivalence between East and West. The deal will help to fortify Putin's rule as he demonstrates that he can force the West to deal with his regime, whether it likes it or not [Jacob Heilbrunn] — пер.: «Не может быть никаких сомнений, что, как заметил Кристиан Кэрл в Washington Post, Путин воспользуется обменом, чтобы установить своего рода моральное равенство между Востоком и Западом. Сделка поможет укрепить правление Путина, поскольку он продемонстрирует, что

может заставить Запад иметь дело с его режимом, нравится ему это или нет».

Reports by Russian military bloggers and images circulating on social media contradicted Russian Defense Ministry statements seeking to minimize the attacks, and suggested the raid was more substantive than past cross-border incursions [Ebel] — пер.: «Сообщения российских военных блогеров и изображения, распространяемые в социальных сетях, противоречат заявлениям Министерства обороны России, стремящегося преуменьшить масштабы атак, и предполагают, что налет был более масштабным, чем предыдущие трансграничные вторжения».

Rybar reported that up to 400 Ukrainian troops entered the region, with up to 2,000 troops concentrated along the border. Rybar also reported that Ukrainian troops had captured an important gas transit hub. Another Russian military Telegram channel, Archangel Spetsnaz Z, reported that Ukraine had sent two battalions across the border that were pushing toward the town of Sudzha [Ebel] — пер.: «Рыбарь сообщил, что до 400 украинских солдат вошли в регион и до 2000 солдат сконцентрировались вдоль границы. Рыбарь также отметил, что украинские войска захватили важный узел транзита газа. Другой российский военный канал Telegram, Archangel Spetsnaz Z, сообщил, что Украина отправила через границу два батальона, которые продвигаются к городу Суджа».

Репортажные глаголы *report, say, declare* (*To make or present an official or formal account of*) со ссылкой на участников события или на источник сообщения служат для создания эффекта присутствия, а значит, и реальности происходящего события. В данном случае цель таких эвиденциальных высказываний на страницах прессы в том, чтобы усилить враждебность, неприязнь и недоверие к России, углубляя и накаляя конфликт в межгосударственных отношениях.

Следующий пример заслуживает внимания, потому как содержит эвиденциальный маркер, выраженный английской идиомой *according to Cocker* (*according to accepted standards or rules*). Идиома происходит от имени англичанина Эдварда Кокера, жившего в XVIII веке, который был известен своими познаниями в области чистописания и математических вычислений. Фраза *according to Cocker* означает «делать что-то тщательно или точно», часто относится к задаче или действию, выполненному с большим вниманием к деталям: *On 6 August, a substantial Ukrainian force launched a cross-border incursion into Russia's Kursk region, shelling the little town of Sudzha and reportedly occupying*

several villages with the troops lined up according to Cocker, perfectly straight and orderly [Ebel].

Использование фразеологизмов, идиом и т. д., содержащих оценочные значения лингвокультурных знаков, нацелено на адресата, который разделяет культурные смыслы и ценностные установки той или иной лингвокультурной общности. Данный прием способствует повышению градуса агональности политического медиатекста.

3. В сообщении есть значение «кажимо-сти», когда адресант не имеет достаточных знаний для утверждения истинности пропозиции (37,2 % от всей выборки).

Supposedly, five social net pages have been found to be posting 'Kremlin talking points' in support of Farage and Reform, in an attempt to influence the General Election outcome. Allegedly, some dodgy memes is all it takes to hijack our democracy [Piper] — пер.: «Говорят, на пяти аккаунтах в социальной сети нашли публикации „кремлевских тезисов“ в поддержку Фаража и реформ с целью повлиять на исход всеобщих выборов. Якобы нескольких сомнительных мемов достаточно для подрыва нашей демократии».

В примере наречие *allegedly* имеет значение репортативности и недостоверности передаваемых сведений. Семантика недостоверности, «кажимо-сти» исходит из субъективной оценки автора, который сомневается в истинности высказывания. Эвиденциальные наречия (*reportedly, reputedly, allegedly, apparently, supposedly*) апеллируют к тому, что гипотеза основана на видимости, «кажимо-сти», а не на реальной сущности и фактологичности явления. Они передают значение мнения с оттенком допущения, выражая слабые эпистемические значения с низкой степенью достоверности сообщения. Словарь *Cambridge Dictionary* определяет значение указанных наречий как *according to what is generally thought or believed but not known for certain* (в соответствии с тем, что обычно думают или во что верят, но что достоверно не известно).

3. В. Костанян выделяет наречия *supposedly, reportedly* и *allegedly* в отдельный вид и предлагает называть их «наречия речевого сообщения» (НРС) [Костанян 2019: 172]. Коммуникативно-прагматическая характеристика данных наречий указывает не на ре-

альную сущность события, а на ее ирреальность, снимая, таким образом, с говорящего ответственность за возможную неточность и недостоверность сообщения.

4. Источник информации не идентифицируется, сведения сомнительны (36,3 % от всей выборки).

В качестве инструмента фабрикация лжи большой потенциал имеет конструкция *Complex subject* в английском дискурсе, когда эвиденциальный модус выражен с помощью глаголов и прилагательных с неопределенными, неустановленными источниками сообщений.

The top leader Ismail Haniyeh is said to be killed by a bomb planted in Tehran [Solomon] — пер.: «Сообщается, что лидер Исмаил Хания был убит в результате взрыва бомбы, заложённой в Тегеране».

Замена активных глагольных форм на пассивные — весьма распространенный прием в англоязычных медиатекстах. Способ помогает интерпретировать события с точки зрения идеологической повестки, так как информация исходит от неавторизованного субъекта. *It was not clear, however, if the attack on Kursk was carried out by an anti-Kremlin militia, by regular Ukrainian forces or some other fighting formation* [Dixon] — пер.: «Однако неясно, была ли атака на Курск осуществлена антикремлевским ополчением, регулярными украинскими войсками или каким-то другим боевым формированием». *But Mr. Trump — who has been known to flip-flop or equivocate on hot-button issues like abortion — argued that her early statements were the only ones that mattered* [Cameron] — пер.: «Однако г-н Трамп, который известен своей нерешительностью и двусмысленностью в таких острых вопросах, как аборт, утверждает, что его ранние заявления были единственными, которые имели значение».

Количественный подсчет 550 контекстов показал, что чаще всего в качестве средств выражения модальности эвиденциальности используются интертекстуальные ссылки на источник информации. Также часто используется неидентифицируемый, сомнительный источник информации, что прежде всего отображается в употреблении пассивного залога. Информация от первого лица в процентном соотношении значительно уступает остальным типам номинаций.

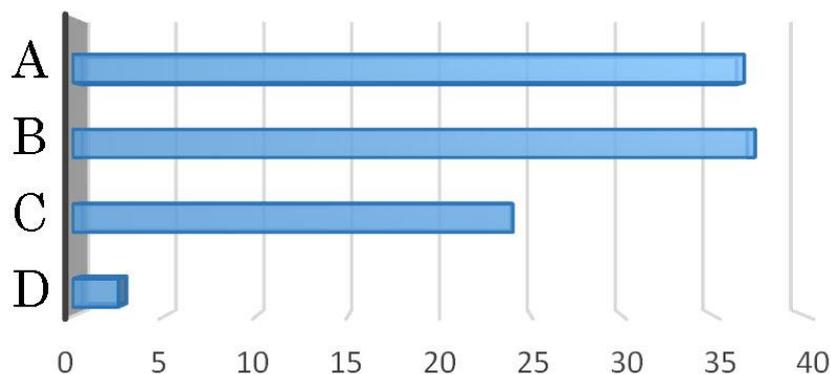

Рис. 1. Номинации, выражающие модальность эвиденциальности

Прим. А — источник информации не идентифицируется, сведения сомнительны; В — в сообщении есть значение «кажимости», когда адресант не имеет достаточных знаний для утверждения истинности пропозиции; С — в передаваемой информации есть источник заявлений, слов, идей; D — знания о ситуации основываются на логических соображениях общего характера: гипотеза строится на личном знании говорящего

Основными лексическими средствами выражения модальности эвиденциальности являются эпистемические, репортажные и ментальные глаголы (*say, tell, claim, see, suppose* и т. п.). Вводные модальные слова: наречия, выражающие модальность возможности (*perhaps, possibly* и т. п.), предположения (*allegedly, apparently* и т. п.), уверенности (*obviously, evidently* и т. п.), также относятся к способам выражения категории эвиденциальности. Синтаксическими средствами являются деавторизованные высказывания (*there can be no doubt that*). Дополнительное значение имеют оценочность, персуазивность и эпистемическая модальность.

В заключение стоит отметить, что пренебрежение принципом достоверности публикуемой информации и подмена рационально-логической аргументации аффективным воздействием привели к тому, что на страницах газет мы наблюдаем значительное увеличение функциональной нагрузки манипулятивных технологий, моделирующих особую реальность вслед за происходящими изменениями в политической картине мира [Фефелов 2023: 85]. Использование эвиденциальных маркеров в дискурсе конфликта заняло прочное место в репертуаре дискурсивных приемов в медиакommunikации. Используя эти приемы, создатель текста может свободно выражать субъективные смыслы в фактическом содержании текста, результатом которого является искажение причинно-следственных связей, тенденциозное описание обстоятельств, персоналий и событий, включаемых в дискурсивное пространство.

ИСТОЧНИКИ

1. Cameron, C. Election Highlights: Harris and Walz Rally in Las Vegas to End Their Introductory Tour / C. Cameron. — Text : electronic // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/live/2024/08/10/us/harris-trump-election?name=styleIn-2024->

2. Dixon, R. Ukraine unleashes attacks on Russian airfields amid Kursk offensive. / R. Dixon. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/14/ukraine-russia-kursk-incursion-airfields-belgorod/>

3. Ebel, F. Putin calls cross-border attack in Kursk region a 'provocation' / F. Ebel. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/07/kursk-russia-ukraine-war-border/>

4. Heilbrunn, J. Was the Prisoner Swap with Russia a Bad Idea? / J. Heilbrunn. — Text : electronic // The National Interest. — URL: <https://nationalinterest.org/blog/jacob-heilbrunn/was-prisoner-swap-russia-bad-idea-212169>.

5. Piper, I. How an Israeli hostage rescue that left scores of Palestinians dead unfolded / I. Piper. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/13/israel-hostage-rescue-palestinian-deaths-analysis/>

6. Ryan, M. Nearly 100 killed in Israeli strike on school, Gaza officials say / M. Ryan. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/10/israel-hamas-war-news-gaza-al-tabeen/>

7. Scherer, M. Trump holds meandering news conference, where he agrees to debate Harris / M. Scherer. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/08/08/trump-harris-news-conference/>

8. Solomon, E. Hamas May Emerge Battered, but Not Beaten, From Israel's Latest Blows / E. Solomon. — Text : electronic // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/08/04/world/middleeast/hamas-israel-gaza-future.html>.

СЛОВАРИ

1. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cambridge.org>. (дата обращения 26.07.24).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Джусти-Фичи, Ф. Чужая речь (пересказывание) в балканославянских языках / Ф. Джусти-Фичи. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева — Москва : Наука, 1994. — 189 с.

2. Иванова, С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации / С. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 28–37. — EDN XACGZD.

3. Козловский, Д. В. Категория «эвиденциальность» как инструмент передачи слухов в англоязычном медиадискурсе / Д. В. Козловский. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 71–85. — EDN GXAOLO.

4. Костянян, З. В. Наречия речевого сообщения reportedly и allegedly как средство передачи чужой речи в современной англоязычной прессе / З. В. Костянян. — Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narechiya-rechevogo-soobscheniya-reportedly-i-allegedly-kak-sredstvo-peredachi-chuzhoi-rechi-v-sovremennoi-angloyazychnoi-pressе> (дата обращения: 05.08.2024).

5. Осипов, Г. А. Хеджирование как когнитивно-прагматический прием суггестии в политическом дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Осипов Г. А. — Майкоп, 2013. — 22 с. — EDN ZOXRREV.

6. Руженцева, Н. Б. Язык вражды и его представление в печатных СМИ: динамические процессы / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 551–563. — EDN BXTXOY.

7. Фефелов, А. Ф. Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды / А. Ф. Фефелов. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 83–101. — DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101. — EDN UFEIPX.

8. Хазиева, Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хазиева Р. Р. — Уфа, 2018. — 22 с. — EDN FLRNCE.

9. Хазиева, Р. Р. Дискурсивные практики речевого воздействия в англоязычных масс медиа / Р. Р. Хазиева, Э. М. Ризыпова. — Текст : непосредственный // Правовые основы политической и социально-экономической интеграции Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 26–27 июня 2023 года. — Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. — С. 159–169. — DOI 10.46320/2073-4506-2023-15a-1-159-169. — EDN AMURJN.

10. Чанышева, З. З. Меганарратив конфликта в медийной коммуникации / З. З. Чанышева. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2020. — Т. 25. — № 3. — С. 665–669. — DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.32. — EDN HMXHVZ.

11. Чанышева, З. З. Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации / З. З. Чанышева. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 3. — С. 206–218. — DOI 10.21638/spbu22.2021.301. — EDN ATLBFW.

12. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособ. / А. П. Чудинов. — 2-е изд., испр. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 252 с. — Текст : непосредственный.

13. Aikhenvald, A. Y. Studies in Evidentiality / A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins, 2003. — Text : unmediated.

14. Boye, K. Evidentiality linguistic categories and grammaticalization / K. Boye, P. Harder. — Text : unmediated // Funct. Lang. — 2009. — 16. — P. 9–43. — doi: 10.1075/fo1.16.1.03boye

15. Lakoff, D. Hedges: A study in meaning criteria and logic of fuzzy concepts / D. Lakoff. — Text : unmediated // Journal of Philosophical Logic. — 1972. — № 2 (4). — P. 458–508.

16. Plungian, V. The place of evidentiality within the universal grammatical space / V. Plungian. — Text : unmediated // J. Pragmat. — 2001. — 33. — P. 349–357. — doi: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0

17. Willett, T. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality / T. Willett. — Text : unmediated // Stud. Lang. — 1988. — 12. — P. 51–97. — doi: 10.1075/sl.12.1.04wil

MATERIALS

1. Cameron, C. (n.d.). Election Highlights: Harris and Walz Rally in Las Vegas to End Their Introductory Tour. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/live/2024/08/10/us/harris-trump-election?name=styl&nl=2024>

2. Dixon, R. (n.d.). Ukraine unleashes attacks on Russian airfields amid Kursk offensive. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/14/ukraine-russia-kursk-inursion-airfields-belgorod/>

3. Ebel, F. (n.d.). Putin calls cross-border attack in Kursk region a ‘provocation’. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/07/kursk-russia-ukraine-war-border/>

4. Heilbrunn, J. (n.d.). Was the Prisoner Swap with Russia a Bad Idea? *The National Interest*. Retrieved from <https://nationalinterest.org/blog/jacob-heilbrunn/was-prisoner-swap-russia-bad-idea-212169>.

5. Piper, I. (n.d.). How an Israeli hostage rescue that left scores of Palestinians dead unfolded. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/13/israel-hostage-rescue-palestinian-deaths-analysis/>

6. Ryan, M. (n.d.). Nearly 100 killed in Israeli strike on school, Gaza officials say. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/10/israel-hamas-war-news-gaza-al-tabeen/>

7. Scherer, M. (n.d.). Trump holds meandering news conference, where he agrees to debate Harris. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/08/08/trump-harris-news-conference/>

8. Solomon, E. (n.d.). Hamas May Emerge Battered, but Not Beaten, From Israel’s Latest Blows. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2024/08/04/world/middleeast/hamas-israel-gaza-future.html>.

DICTIONARIES

1. *Cambridge Dictionary Online* (n.d.). Retrieved July 26, 2024, from <http://www.cambridge.org>

REFERENCES

1. Dzhusti-Fichi, F. (1994). Chuzhaya rech' (pereskazyvanie) v balkano-slavyanskikh yazykakh [Someone else's speech (retelling) in the Balkan-Slavic languages]. In N.D. Arutyunova & N.K. Ryabtseva (Eds.), *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* (189 p.). Moscow: Nauka. (In Russ.)

2. Ivanova, S.V. (2016). Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozдание effekta demonizatsii [Linguistic resource base of information warfare: creating the effect of demonization]. *Political Linguistics*, 5(59), 28–37. EDN XACGZD. (In Russ.)

3. Kozlovskiy, D.V. (2024). Kategoriya «evidentsial'nost'» kak instrument peredachi slukhov v angloyazychnom mediadiskurse [The category of “evidentiality” as a tool for transmitting rumors in the English-language media discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 10(1), 71–85. EDN GXAOLE. (In Russ.)

4. Kostyanan, Z.V. (2019). Narechiya rechevogo soobscheniya reportedly i allegedly kak sredstvo peredachi chuzhoi rechi v sovremennoy angloyazychnoy presse [Adverbs of speech message reportedly and allegedly as a means of transmitting someone else's speech in the modern English-language press]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8. Retrieved Aug. 5, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/narechiya-rechevogo-soobscheniya-reportedly-i-allegedly-kak-sredstvo-peredachi-chuzhoi-rechi-v-sovremennoi-angloyazychnoi-pressе> (In Russ.)

5. Osipov, G.A. (2013). *Khedzhirovanie kak kognitivno-pragmaticheskiy priem suggestii v politicheskom diskurse* [Hedging as a cognitive-pragmatic technique of suggestion in political discourse] [author's abstract of dis. of candidate of philological sciences]. Maykop, 22 p. EDN ZOXRREV. (In Russ.)

6. Ruzhentseva, N.B. (2022). Yazyk vrazhdy i ego predstavlenie v pechatnykh SMI: dinamicheskie protsessy [The language of hatred and its representation in print media: dynamic processes]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2, 551–563. EDN BXTXOY. (In Russ.)

7. Fefelov, A.F. (2023). Leksiko-semanticeskoe pole post-truth v prostranstve ot istiny do pravdy [The lexical-semantic field of post-truth in the space from truth to truth]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 21(1), 83–101. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101. EDN UFEIPX. (In Russ.)

8. Khazieva, R.R. (2018). *Ispol'zovanie lozhnoy informatsii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii deystvitel'nosti* [Using false information in discursive linguopolitical modeling of reality] [Author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences]. Ufa, 22 p. EDN FLRNCE. (In Russ.)

9. Khazieva, R.R., & Ryzapova, E.M. (2023). Diskursivnye praktiki rechevogo vozdeystviya v angloyazychnykh mass media [Discursive practices of speech influence in English-language

mass media]. In *Pravovye osnovy politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy integratsii Soyuznogo gosudarstva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus'* (Materials of the International scientific and practical conference, Ufa, June 26-27, 2023, pp. 159–169). Ufa: Nauchno-issledovatel'skiy institut problem pravovogo gosudarstva. DOI 10.46320/2073-4506-2023-15a-1-159-169. EDN AMURJN. (In Russ.)

10. Chanysheva, Z.Z. (2020). Meganarrativ konflikta v mediynoy kommunikatsii [Meganarrative of conflict in media communication]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 25(3), 665–669. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.32. EDN HMXHVZ. (In Russ.)

11. Chanysheva, Z.Z. (2021). Meganarrativ kak instrument strukturirovaniya mediynoy informatsii [Meganarrative as a tool for structuring media information]. *Medialingvistika*, 8(3), 206–218. DOI 10.21638/spbu22.2021.301. EDN ATLBFW. (In Russ.)

12. Chudinov, A.P. (2007). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] [Textbook] (2nd ed., rev.). Moscow: Flinta: Nauka, 252 p.

13. Aikhenvald, A.Y., & Dixon, R.M.W. (2003). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

14. Boye, K., & Harder, P. (2009). Evidentiality linguistic categories and grammaticalization. *Funct. Lang.*, 16, 9–43. doi: 10.1075/fo1.16.1.03boy

15. Lakoff, D. (1972). Hedges: A study in meaning criteria and logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2(4), 458–508.

16. Plungian, V. (2001). The place of evidentiality within the universal grammatical space. *J. Pragmat.*, 33, 349–357. doi: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0

17. Willett, T. (1988). A cross-linguistic survey of grammaticalization of evidentiality. *Stud. Lang.*, 12, 51–97. doi: 10.1075/sl.12.1.04wil